

Iwona Borys

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Вармия и Мазуры глазами современных писателей и поэтов региона в переводах Игоря Белова

«Я, (...) приёмная блудная внучка Вармии»
(Алиция Быковска-Сальчынська)
[«Балтика Kaliningrad» 2017, 126]

Польские и российские территории на протяжении веков всегда соседствовали, несмотря на расположение, протяженность и статус границ между ними. До 1945 года, однако, польско-российскую границу можно было считать естественной: она разделяла земли, обитаемые испокон веков как представителями обоих народов, так и других национальностей, среди которых, в зависимости от эпохи, преобладали литовцы, украинцы, белорусы, татары, евреи, причем никакую из них на пограничье невозможно было считать этническим большинством.

Ситуация крайне изменилась после Второй мировой войны. Вследствие нового деления Европы как польское государство, так и Россия – в административных структурах СССР Российская Федеративная Советская Социалистическая Республика – оказались в совершенно новых пределах, не имеющих ни исторического, ни культурного обоснования, вследствие чего традиционная польско-российская граница вообще перестала существовать. Единственным участком границы между Польшей и РСФСР стала линия, искусственно проведенная через территорию бывшей Восточной Пруссии и разделившая ее на две части: северную, представляющую собой примерно одну треть данной территории, которая была передана Советскому Союзу и включена в состав РСФСР как Калининградская область, и южную, охватывающую традиционные регионы Вармии и Мазур, переданную Польше как часть так называемых. Возвращенных земель (*Ziemie Odzyskane*), административным центром которой стал бывший провинциальный город Олыштын.

Данное решение повлекло за собой радикальное изменение демографической структуры обоих регионов. Коренное – немецкое и литовское – население было депортировано с территории Калининградской области в Германию к 1947 году. Их место заняли переселенцы из 27 областей РСФСР, четырех

союзных республик, двух автономных республик [Костяшов]. Следует учесть, что Калининградская область с самого начала обладала особым стратегическим значением, вследствие чего практически до конца 80-ых годов. была одним из наиболее милитаризованных регионов СССР. В силу вышесказанного область была трудно доступной для жителей других стран, в том числе и соседнего региона Вармии и Мазур, поездки иностранцев были строго регламентированы, что крайне препятствовало налаживанию и развитию естественно возникающих контактов между новым, совершенно не знающим друг друга населением обоих регионов.

На Вармии и Мазурах миграции населения носили, пожалуй, менее принудительный и внезапный характер. Сюда приезжали в поиске нового места для жизни жители бывших Восточных Кресов, мигранты из соседней перенаселенной северной Мазовии, немногим позже – украинцы, жители Бещад, переселенные сюда вследствие акции «Висла». Все они привезли с собой элементы своей культуры, традиций, воспоминаний, которые впоследствии послужили почвой для образования нового менталитета, новой идентичности жителей Вармии и Мазур. Все они сосуществовали рядом с теми коренными жителями – немцами, варяками и мазурами, которые или еще не уехали в Германию (некоторые из них собирались покинуть родные места еще в конце 70-ых годов XX века), или решили остаться «у себя», несмотря на свое весьма невыгодное положение. Таким образом, обновление демографической структуры региона происходило медленнее и более плавно, чем в Калининградской области, а новые жители общались с носителями коренных традиций, потомками свидетелей истории региона, в котором они оказались. Улучшению ситуации не способствовали также политические и социальные трансформации конца XX – начала XXI века, вследствие которых польско-российская граница стала одновременно внешней границей Европейского союза.

Вследствие вышеописанных процессов польско-российское пограничье обрело крайне нетипичный характер. Оно не вписывается в рамки традиционных дефиниций приграничных территорий, в соответствии с которыми пограничья представляют собой «менее или более определенную, относительно непостоянную с исторической точки зрения территорию проникновения этнических групп» [Wojakowski 2013, 423; Babiński 1994, 6]. Более того, данное пограничье не подвергается процессам глобализации, которые считаются типичными и естественными для подобного рода территорий, и в результате которых стираются всякие различия, в том числе и языковые [Wojakowski 2013, 424]. Судьбу и актуальное состояние современного

польско-российского, носящего чисто территориальный характер, пограничья коротко описывает З. Курч:

Odebrano nam to, co jest cenne w kulturze każdego narodu na przestrzeni dziejów: pogranicze. Przez wiele lat zapelniały je polityczne slogany przegrodzone drutem kolczastym. Nie wytworzyło się pogranicze, które jest różnojęzycznym skupiskiem ludzi, łatwo wymieniających informacje i towary, wspólnie robiących interesy, zawierających mieszane związki małżeńskie, wzbogacających kulturę własnego kraju [Szydłowska 2008, 25, за: Kurcz 1999, 24].

Тем не менее, жители обоих регионов проявляют стремление к развитию трансграничного сотрудничества на официальном и менее официальном уровнях. Способствуют этому и программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента добрососедства: Литва–Польша–Россия 2007–2013 и Польша–Россия 2014–2020. И хотя в основном они ассоциируются с финансовой поддержкой реализации инфраструктурных проектов, нельзя забывать, что первым среди четырех приоритетов программы Польша–Россия 2014–2020 является «сотрудничество в области исторического, природного и культурного наследия для их сохранения и приграничного развития» [Program..., 12]. Таким образом, подчеркивается, что без взаимного познания культур, мировоззрений, образов мышления соседей трансграничное сотрудничество в любой области потеряет многое из своей потенциальной эффективности и в меньшей степени будет способствовать сближению народов.

В данном плане особенно ценной является публикация переводов на русский язык современных литературных произведений писателей и поэтов из Вармии и Мазур: Кшиштофа Шатравского (1961 г.р.), Марека Бараньского (1951 г.р.), Збигнева Хойновского (1962 г.р.), Алиции Быковской-Сальчинской (1953 г.р.), Войцеха Касса (1964 г.р.), Яна Петшика (1956 г.р.), Томаша Бялковского (1969 г.р.), Влодзимежа Ковалевского (1956 г.р.). Переводы были опубликованы в рубрике «Литературное зарубежье – Польша» журнала-ежеквартальника «Балтика-Калининград» за октябрь–декабрь 2017 года¹. Автором всех переводов является калининградский писатель и переводчик

¹ Следует отметить, что данная публикация – далеко не единственная инициатива взаимного сближения варминско-мазурских и калининградских литераторов. Переводы современной прозы и поэзии авторов из соседнего региона неоднократно печатались не только на страницах калининградских журналов, но и в книгах известных в Калининградской области поэтов – популяризаторов Польши и ее культуры (как, например, Роза Алимпиева, включившая в сборник своих произведений переводы стихов польских поэтов, в том числе Валенты Пилата и Кшиштофа Шатравского [Алимпиева 2007]). Что касается Польши, то особое внимание следует уделить журналу «Боруссия», занимающемуся широко понятой культурой пограничных регионов, 46-ой номер которого был полностью посвящен истории и литературе Калининградской области.

Игорь Белов, ныне проживающий в Польше, где он получил широкую известность как автор переводов на русский язык произведений выдающихся современных польских авторов – Марцина Светлицкого, Богдана Задуры, Януша Джевуцкого, Дарека Фокса, Милоша Беджицкого и др. И. Белов, наряду с другими выдающимися переводчиками польской литературы – Натальей Горбаневской, Адамом Поморским, Ежи Чехом, Андреем Хадановичем и Томасом Венцлова, заседал в жюри конкурсов русских переводов польской поэзии: Чеслава Милоша, Тадеуша Ружеви́ча, Виславы Шимборской.

Сам Белов подчеркивает, что выбор жизни вне России, кроме очевидных, бытовых «плюсов» дал ему еще одно, куда более важное преимущество: «(...) что ты по-другому смотришь на Отечество и замечаешь те вещи, которые не очень видны изнутри, пусть это происходит и на каком-то подсознательном уровне» [Михалков, online]. Несомненно, данный подход позволяет ему не только как поэту-литератору (как сам Белов предпочитает себя называть), но и как поэту-переводчику определить потребности отечественных читателей, в которых они сами пока еще и не отдают себе отчета. В частности, здесь имеется в виду и один из базовых аспектов переводческого процесса: соответствующий отбор произведений для перевода. Именно на этом этапе переводчик решает, почему именно те, а не другие произведения иностранной литературы должны стать призмой, сквозь которую отечественный читатель будет воспринимать культуру другого народа, его образ мышления. И только на основании этого выбора он ставит перед собой второстепенное, хотя на самом деле основное задание: как воссоздать данное произведение на языке перевода таким образом, чтобы читатель смог получить представление не только о поэтическом мире автора, но и о том социуме, в котором он функционирует и формируется как личность.

В случае вышеуказанных переводов данное задание было выполнено переводчиком в совершенстве. И. Белов отлично знает Польшу и поляков в целом, «чувствует» менталитет этого народа не как иностранец, смотрящий со стороны, но как местный, живущий его жизнью. Все это приобрело особое значение при отборе литературных произведений региона Вармии и Мазур для презентации их калининградским читателям. Как было сказано выше, современная история этих земель в течение последних семидесяти лет была крайне трудной и болезненной. Все это оказало влияние на судьбы его жителей, что нашло глубокое отражение и в их литературном творчестве. И. Белов сумел на примерах лишь нескольких произведений показать основную проблему-травму всей варминско-мазурской земли и ее жителей, с которой так стараются справиться переводимые им авторы: поиск и определение

идентичности, своей и всего региона, его жителей – бывших, уехавших на свою-не свою Родину, и новых, занявших пустое место, оставленное ими, и тех, кто уже здесь родился, и потомков уехавших, стремящихся тоже найти свое «откуда» и «куда». Вероятно, немаловажную роль в этом процессе сыграло то, что И. Белов знает не только проблемы региона, но и лично знаком, пожалуй, со всеми авторами переводимых произведений.

Уже на первый взгляд бросается в глаза то, что среди авторов есть как представители поколения, помнящего первые послевоенные годы (М. Бараньский, А. Быковская-Сальчиньская, В. Ковалевский, Я. Петшик), так и те, чье детство и молодость пришлось уже на более стабильное, но не свободное от памяти время (К. Шатравский, З. Хойновский, В. Касс, Т. Бялковский). Все эти впечатления и переживания, личные и окружающих их людей, нашли глубокое отражение в литературном творчестве.

Начать обсуждение предлагаем с рассказа *Постнемецкость* В. Ковалевского. Это подробное описание жизни Вармии и Мазур в самое трудное, переходное время, и одновременно отличный анализ ментального состояния первого послевоенного поколения, родившегося на новой земле. Автор, как, впрочем, во всех своих произведениях, старается рассказать историю прошлого, уделяя особое внимание заботе о деталях. Уже в самом начале рассказа В. Ковалевский подчеркивает, что родился на Мазурах и почти всю жизнь провел на Вармии. Несмотря на это, он ощущал проблемы «с пониманием исторического времени и места». Еще будучи студентом, сравнивал свой опыт с опытом своих ровесников – студентов из других регионов Польши, и не только удивлялся, но даже завидовал им «прошлого», имея в виду не только историю как таковую, но и само окружение: «Часто оказывалось, что их семьи на протяжении нескольких поколений жили в одних и тех же домах, в окружении той же самой мебели, картин и мещанских безделушек». В свою очередь, опыт своего поколения – детей, родившихся в бывшей Восточной Пруссии в течение примерно первого десятилетия после войны – писатель называет «обрывом генетического кода памяти» или «вывихнутой перспективой исторического сознания». Эти дети воспитывались на воспоминаниях родителей, которые у них ни с чем не ассоциировались, не опирались ни на какую реальную основу:

Упоминавшиеся в разговорах названия – Вильно, Новая Вилейка, Беняконе, Безданы, Антоколь – звучали экзотично, принадлежали к иному, нереальному миру, отделенному «железным занавесом» советской империи. (...) Моё – довольно туманное – представление о них сложилось на основе нескольких дрянных фотоснимков [«Балтика Калининград» 2017, 135].

Воспоминания «бывшей», уже навсегда потерянной, жизни поколения родителей не были для автора его собственной историей. Ему не хватало естественной, природной связи с теми местами, которые он знал с рождения и в которых ему пришлось воспитываться:

(...) никто не рассказывал историй из жизни бывших обитателей Восточной Пруссии, ни одна семья не знала, кто построил дом, в котором они теперь живут. Всё, что принадлежало миру, существовавшему до 1945 года, было «чёрной дырой», туманом и магмой, и ему подходило лишь одно универсальное определение: «немецкость». Всё, что происходило из этой чёрной дыры и сохранилось до наших дней, называлось «постнемецкими» [«Балтика Калининград» 2017, 135].

Одновременно В. Ковалевский подчеркивает, что его природной средой была мультикультурность, «плавильный котел человеческих судеб, перемешанных в результате катастрофы, спровоцированной тоталитарными режимами». Достаточно посмотреть список жителей дома в Ольштынке, где воспитывался автор:

Под нами жила супружеская пара из Познани, рядом – приветливые, добродушные супруги из Вильно (...). Квартиру напротив занимала пожилая дама из Варшавы (...). Наверху жили бедные переселенцы из СССР, так называемая «вторая волна» конца 50-х. Немецкий язык можно было услышать на рынке, куда крестьяне из окрестных деревень привозили на продажу продукты [«Балтика Калининград» 2017, 136].

И хотя автор не знал немецкого языка, везде чувствовал его присутствие – на рынке, слышав женщин, приехавших из деревни, в надписях на старых предметах или заброшенных зданиях:

Это был язык, на котором с нами говорило прошлое, в присутствии которого мы чувствовали себя довольно неуютно, не умея ни понять его, ни растолковать ему наших традиций, вырванных с корнем и силой пересаженных в здешнюю почву [«Балтика Калининград» 2017, 136].

В. Ковалевский не сомневается, что этот опыт «постнемецкости» оказал влияние на обе сосуществующие культуры – немецкую и польскую. Хотя у них есть богатое историческое прошлое, но, по мнению автора, невозможно также, чтобы «два настолько разных народа даже через несколько десятилетий смогли бы сформировать ясные и понятные общие культурные ценности». Следовательно, обе культуры обречены именно на сосуществование «сами с собой», но «никогда больше друг против друга».

На наш взгляд, как содержание, так и характер описанного выше произведения В. Ковалевского являются для калининградцев, которые стараются понять суть крайне сложной истории наших земель, отличным источником знаний об этом трудном времени, его свидетелях и последствиях, оказывающих влияние на всю дальнейшую судьбу региона.

Если речь идет об истории региона Вармии и Мазур, то особый интерес, также среди самих его жителей, вызывают древние времена, когда на этой территории обитали давно уже забытые прусские племена. В этом контексте внимание привлекает рассказ Яна Петшика *Крестовая гора (Барчево)* – заключительный фрагмент литературной композиции *Журчащие ручьи. Ностальгия по земле Барчевской*. Я. Петшик, настоятель римско-католического прихода св. Апостола Иакова в Бутрынах и основатель прицерковного музея, предлагает вниманию читателей историю Галиндии и ее коренных жителей, почти полностью истребленных еще в первой половине XIII века. Полуисторический, полумифический рассказ Я. Петшика об основании нынешнего города Барчево позволяет раскрыть еще более древние карты истории региона, чем в случае рассказа В. Ковалевского, и это представляет собой особую ценность: ведь от наследия пруссов, кроме немногочисленных находок и результатов таких тщательных исследований, как вышеописанная работа Я. Петшика, не осталось почти ничего.

Среди опубликованных переводов нельзя не заметить произведений Алиции Быковской-Сальчиньской, одной из наиболее известных личностей в ольштынском литературном мире, поэтессы, «Звезды Боруссии», как ее здесь именует И. Белов. Публикуется несколько произведений, представляющих собой, на наш взгляд, сравнительно широкую картину творчества А. Быковской-Сальчиньской. Здесь видно, что естественно, многокультурье окружающего мира – встреча поэтессы, тогда еще шестнадцатилетней девочки, с советским поэтом Рождественским в Колобжеге (*На Балтике*), где рядом, в ту же Балтику бросает розы немецкая писательница, которая в возрасте четырех лет потеряла всех своих родственников во время наступления советских и польских войск. На берегу той же Балтики, где-то в Калининграде, живет тем временем поэтесса, которой весь берег моря кажется усыянным кусочками золотистого янтаря, а история – идеализированной и почти идеальной. Рассказ-стих содержит, казалось бы, упрек, направленный в адрес этой символической калининградской поэтессы:

(...) да, конечно же, мне бы хотелось, чтобы все писали лютиками, да, читали бы только янтарные стихи, а наше море было бы чистым от ржавчины кораблей, проржавевшей вины, размытого самопожертвования и сторожевых катеров,

от притаившихся на дне современных подводных лодок, нет, но я и так очень боюсь, да, нет, того, кто и когда те жёлтые лютики, те белые розы и те цветные янтарики, да, в море выловит и поэтессе отправит, как грязную тряпку, прямо в её стихи [«Балтика Калининград» 2017, 124].

На самом деле эти слова, на наш взгляд, адресованы всем, кто считает, что историю можно забыть, что это печальное прошлое не оказывает и никогда не окажет влияния на настоящее и будущее. Слова А. Быковской-Сальчиньской как голос общенациональной, общерегиональной, трансграничной совести должны остаться в памяти жителей обоих наших регионов, ибо они никогда не потеряют свою актуальность.

Вармия в стихах А. Быковской-Сальчиньской приобретает двойной облик: с одной стороны, это идиллический край мечты, с лесными полянами, дикими просторными лугами, голубыми реками и потоками, где люди «часто наклоняются, глядя под ноги, / чтобы не наступать на подснежники» (*Просьба*). С другой, в свою очередь, это земля, которая за всю свою историю страдала, и страдает до сих пор (*Сон о Вармии*), причем в настоящее время боль причиняют ей не внешние враги или угрозы, а сами жители, из-за которых в воды Вадонга попадают «городские отходы», а «стены часовенок, которые всё время были / лестницей к светлым далям», расписаны спреем. Но и та, и другая – это и есть одна и та же Вармия, которой «приемной блудной внучкой», которой называет себя поэтесса, где меняются не только поколения, но и народы.

Поколение, родившееся на десять лет позже – в 60-ые годы, воспринимает культурное наследие региона немного по-другому. В творчестве авторов этой группы нет уже образов, вызванных военными и послевоенными страданиями. Старые постройки приобретают вид заброшенной, полуразлетевшейся часовенки среди спокойных варминских полей и лесов, как у З. Хойновского (*Часовенка без фигур*). И ты, проходящий мимо, даже не знаешь, пострадала ли она когда-то в прошлом от человеческой руки или просто распалась со старости – следы уже исчезли. Для региона пишется новая история, в которой есть и трагические моменты, как, например, известная всем полякам дата 13 декабря 1981 года – введение военного положения, которое регистрирует тот же З. Хойновский в своем стихе *Листок из незаписанного дня*.

Интересным для калининградских читателей является, несомненно, стихотворение К. Шатравского *Вечерний разговор*. Оно было написано ровно через 70 лет после того, как налеты английской авиации сожгли в 1944 году центральную часть старого Кенигсберга. Поэт не только вспоминает историческое прошлое старинного города, но и подводит итоги того, что произошло

за эти семьдесят лет. Как и до этого, на набережной встречаются люди, чтобы посидеть, поговорить. Но старый Кенигсберг потерял уже навсегда. Те, кто встречаются сейчас – «нежданные дети уцелевших – / победивших и проигравших». И люди другие, и город изменил свой облик, пережив не только свою гибель, но и смерть целого континента. Тем не менее, раны истории постепенно заживают: портреты «университетских мудрецов» смотрят со стен гостиной и ждут времени, когда город начнет опять жить спокойной, ровной жизнью, а звезды над ним снова зажгутся.

И, наконец, современный образ Вармии и Мазур глазами Т. Бялковского. Это поколение воспитывалось уже в семидесятые-восемидесятые годы, и в переведенном И. Беловым рассказе Бялковского *Варминский эпизод* нет ни слова о войне или же о наложенном ею на наши плечи наследии. *Варминский эпизод* – образ современной варминской деревни, видной из окон старого микробуса, которым местные жители возвращаются с работы на стройках, рыбообрабатывающих предприятиях, из города. В этом образе есть все, что характерно для поездки такой маршруткой: и толпа людей, и неприятные острые запахи, и заменяющие друг друга пейзажи за окном. Есть и образ беды, «прелюдия к нищете, к долгим месяцам без постоянного дохода. Это слёзы и отчаяние. Голодные дети. Унижение». И далее: «Нет никакой гарантии, что в следующую секунду всё не рухнет на самое дно». Это и есть действительность деревень, оставшихся после ликвидации «пегеэров» (совхозов). Действительность одного из самых бедных регионов Польши, про который жители «больших» городов вспоминают раз в год, во время летних каникул.

Итак, Игорь Белов представляет калининградским читателям весьма широкий обзор как истории, так и современности южных соседей – Вармии и Мазур. Важно, что читатель смотрит на все это глазами самих жителей, писателей и поэтов, которые здесь родились, выросли, живут и работают. И. Белов в качестве посредника становится почти незаметным. Хотим, впрочем, подчеркнуть, что нашей целью не была оценка качества самих переводов путем сравнения их с подлинниками или же с переводами других авторов, а просмотр обсуждаемых произведений в таком виде, в каком получили их калининградские читатели.

В итоге хочется выразить надежду, что переводы И. Белова – и те, и, возможно, будущие – будут способствовать взаимному ознакомлению жителей наших регионов и, впоследствии, развитию широких трансграничных контактов, вследствие чего наши территории станут настоящим культурным, социальным и экономическим пограничьем.

Библиография

- Alimpieva Roza. 2007. *I vse-taki ljubov'...: Stihotvorenâ i perevody*. Kaliningrad: Izdatel'stvo RGU im. I. Kanta [Алимпиева Роза. 2007. *И все-таки любовь...: Стихотворения и переводы*. Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта].
- Babiński Grzegorz. 1994. *Pogranicze etniczne, pogranicze kulturowe, peryferie. Szkic wstępny problematyki*. «Pogranicze. Studia społeczne» t. 4: 5–28.
- «Baltika Kaliningrad». 2017. № 4 (54): 120–136. (online) file:///C:/Users/UWM/Downloads/0000542_q_Baltika_Kaliningrad_2017_n054.pdf (dostęp 20.01.2018) [«Балтика Калининград». 2017. № 4 (54): 120–136. (online) file:///C:/Users/UWM/Downloads/0000542_q_Baltika_Kaliningrad_2017_n054.pdf (доступ 20.01.2018)].
- Kostášov Ůrij Vladimirovič. *Sekretne dokumenty oddela specposelenij MVD SSSR o zaselenii Kaliningradskoj oblasti v 1946 g.* (online) <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (dostęp 12.02.2018) [Костяшов Юрий Владимирович. *Секретные документы отдела спецпоселений МВД СССР о заселении Калининградской области в 1946 г.* (online) <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (доступ 12.02.2018)].
- Kurcz Zbigniew. 1999. *Pogranicze z Niemcami i inne pogranicza Polski*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Mihalkov Sergej. 2014. *Igor' Belov. Perevod – èto vseгда vyzov*. «The Ergo Journal. Russkaâ filozofia i kul'tura». (online) <http://www.ergojournal.ru/?p=1177> (dostęp 14.02.2014) [Михалков Сергей. *Игорь Белов. Перевод – это всегда вызов*. «The Ergo Journal. Русская философия и культура». (online) <http://www.ergojournal.ru/?p=1177> (доступ 14.02.2018)].
- Program Współpracy Transgranicznej Polska–Rosja 2014–2020*. (online) http://www.plru.eu/files/uploads/O%20Programie%20-%20dokumenty/WPO%20PL-RU%2014-20_wersja%20polska.pdf (dostęp 7.02.2017).
- Szydłowska Joanna. 2008. *Literatura pogranicza wobec wyzwań współczesnego literaturoznawstwa*. «Studia Elckie» nr 10: 19–28.
- Wojakowski Dariusz. 2013. *Kłopoty z pograniczem. Socjologia wobec tradycji i ponowoczesności*. «Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej», Seria: «Organizacja i Zarządzanie» z. 65: 419–430.

Summary

Warmia and Mazury in the eyes of contemporary regional literary works and their Russian translations by Igor Belov

The article describes Russian translations of literary works by authors from Warmia and Mazury: Marek Barański, Tomasz Białkowski, Alicja Bykowska-Salczyńska, Zbigniew Chojnowski, Wojciech Kass, Włodzimierz Kowalewski, Jan Pietrzyk and Krzysztof Szatrawski, from the perspective of the perception of the national, social and cultural identity of Warmia and Mazury. All these works have been translated by Igor Belov and published in the journal “Baltika-Kaliningrad” (2017/4).

Key words: Warmia and Mazury, Kaliningrad Oblast', poetry, translation to Russian

Kontakt z Autorką:
iwona.borys@uwm.edu.pl